

УДК 316

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Шилина Наталья Анатольевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры рисунка,
Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета
rnd.natalia@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом,
Ростовский государственный экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, head of chair
of history of Russia Kuban state University
culture@kubsu.ru

Natalya A. Shilina

candidate of sociological sciences, associate professor of the drawing of Academy
of architecture and arts of SFU
rnd.natalia@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology, Professor, Department of Personnel Management Rostov
State University of Economics (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ЭЛИТ
РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

**THE INTERACTION OF POLITICAL AND CULTURAL ELITES OF
RUSSIA IN THE POST-SOVIET PERIOD**

Аннотация. В данной статье проблема взаимодействия политической и культурной элиты в постсоветский период рассматривается в рамках модели лоялизма, характеризующей специфическое соотношение культуры и политики, сложившееся в советский период и претерпевающее некоторые модификации после распада советской модели государства и общества. Обосновывается точка зрения об исчерпанности данной модели и необходимости обретения культурной элитой независимости от элиты политической, преодоления постсоветской деполитизации культуры,

отчужденности культурной элиты от общества и обретения культурной элитой политической субъектности.

Ключевые слова: *культура, культурная элита, идеология, идеологическая мобилизация, политическая элита, постсоветское общество, лоялизм, культурная политика, субъектность, деполитизация.*

Abstract. *In this article the problem of interaction of political and cultural elite in the post-Soviet period is considered in the framework of the model of loyalism, which characterizes the specific relationship of culture and politics that developed in the Soviet period and is undergoing some modifications after the collapse of the Soviet model of state and society. The author substantiates the point of view about the exhaustion of this model and the need for the cultural elite to gain independence from the political elite, overcoming the post-Soviet depoliticization of culture, alienation of the cultural elite from society and the acquisition of the cultural elite of political subjectivity.*

Keyword: *culture, cultural elite, ideology, ideological mobilization, political elite, post-Soviet society, loyalism, cultural policy, subjectivity, depoliticization.*

Радикальные политические и социально-экономические изменения в российском государстве и обществе не могли не сказаться на институализации российской элиты. Еще академик РАН Т.И. Заславская констатировала глубинные процессы, меняющие стратификацию российского общества и по-новому определяющие положение элит [1]. Появилась, обособилась и стала активно влиять на жизнь общества и государства бизнес-элиты. Изменились основополагающие принципы формирования и деятельности политической и культурной элит.

Однако, как отмечает Л. Гудков, «в дефиниции «элитарности» важен не кадровый состав соответствующих групп, а способ их действия с его нормативно-ценностными и символическими компонентами, кумирами и мифами» [2]. Исходя из этого тезиса, в данной статье будет рассматриваться проблема взаимодействия культурной и политической элиты в рамках того специфического символического пространства, которое было сконструировано в советский период и не разрушено до конца и сейчас.

Взаимодействие политических и культурных элит как в советский, так в постсоветский период есть та или иная форма «лоялизма». Это утверждение можно принять в качестве исходной точки анализа их взаимодействия. Различия же кроются, скорее, в самой культуре и политике, в том, какие именно значения вкладывались в эти понятия: «культура» и «политика». Т.е. предполагается, что раскрыть характер взаимодействия культурных и политических элит нам удастся только в сравнительном анализе меняющегося смысла этих понятий и далее уже – вытекающих из этого смысла форм взаимодействия элит.

Начнем с выяснения того, каким образом связываются в ту или иную ассоциацию сами эти понятия – еще до всякой манифестации в том или ином институте.

В советский период политика в некотором смысле и была культурой – только поэтому стала возможной «культурная политика». Культура позиционировалась, в первую очередь, как властный учреждающий принцип, принцип тотализующей экспансии, проникающий во все сферы жизни. Контроль осуществлялся за счет самого факта всепроникающего организующего начала, без чего невозможно представить себе и тоталитарную систему в целом. Поэтому статус участника культурного производства, вне зависимости от ранга и самой принадлежности к элите, – был статус «рабочего», «мастерового» на полях культурного созидания и строительства – таковы были самые общие идеологические установки [3].

В связи с политизацией культуры в целом, когда сложно обнаружить дистанцию между собственно политикой и культурой, статус элит – и культурной, и политической – имел крайне зависимый характер от общего корня источника тотальности, в некоторых случаях персонифицированного, в некоторых – безличного. Такая соотнесенность предполагала, что властные институты и управление культурой в лице творческих союзов строились по аналогии. Собственно, элиты обособлялись лишь административно, а не сущностно, принадлежа к разным сферам одного «народного хозяйства». Хозяйства при наличии «хозяина», коллектива как такового, в котором «незаменимых нет», но есть бесконечная ротация кадров. Конечно, в такой системе принцип лоялизма носит особый характер слабой различности. Переходя из сферы формы в сферу содержания, культурное производство лишь по содержанию – культурное, по форме же – политическое. И если можно говорить о взаимодействии элит как соподчиненности, то только лишь в отношении контроля над содержательной стороной культурного производства, черты которого и должна была определять элита.

Предварительным выводом и ответом на вопрос о взаимодействии культурной и политической элит в советское время можно считать выявление единства целей, средств и методов в функционировании той и другой и общую их подчиненность и инструментальность в рамках более или менее выраженной генеральной линии развития советского государства, чьи интересы и та, и другая обслуживали. Государство – как первое в мире социалистическое государство – и было рамкой существования и взаимодействия элит. Элита политическая, она же – культурная, культурная – она же политическая, взаимно обособлялись лишь административно – так, что взаимодействие между ними было слабо выражено в силу недостатка дистанции, самого поля взаимодействия, где могли бы сформироваться принципиально разные интересы политической и культурной элиты. Тогда как различия административные были связаны лишь с правилами соподчинения и контроля.

Результатом такой невыраженности различий уже в позднесоветский период стала серия имитационных конфликтов и противостояний при неотрефлексированности самого их источника, что и отмечали некоторые представители культурной элиты, демонстративно отказывая себе в статусе

жертв режима. В этих жестах намечалось уже новое распределение элит с иными правилами взаимодействия, и в первую очередь это было связано с эмансипацией элит и развязыванием узла политизации культуры и нейтрализации ее как инструмента «культурной политики». Представляется, что решающую роль в этом сыграло не открытое противостояние в лице диссидентства, а, скорее, нейтральное отношение мягкого непротивления или использования, забвения ложного поля активности, с которым часть культурной элиты связывала все трагедии и исторические переломы недавнего прошлого.

Такой процесс мягкой эмансипации культурных элит, дистанцирование от политического, как и самоопределение политического как такового создавали предпосылки для совершенно иной ситуации, когда дистанция между культурными и политическими элитами стала реальностью, возникли предпосылки появления настоящего лоялизма и договорных отношений между элитами, а интерес из идеологического стал меркантилистским.

Расцвет лоялизма можно отнести ко времени до середины первого десятилетия XXI в., когда политика и культура вновь сошлись на узком пятачке истории, что ознаменовало в дальнейшем наступление политической и культурной реакции с откатом к идеологической мобилизации. Однако до завершения этого процесса еще далеко, и элиты в полной мере получают преференции от сотрудничества в рамках лояльности, основанной на отказе культурной элиты от функции критики деятельности политической элиты и рефлексивного контроля – ради сохранения достигнутого уровня потребления, сопутствующего статусу элиты. При этом сами понятия «культура» и «политика» должны были претерпеть изменение так, чтобы такая форма взаимодействия элит могла стать на время реальностью [4].

Культура совершенно деполитизировалась, превратившись в обиходную ценность, и, конечно, все это, как и положено, на фоне эксцессов политизации, что для лоялистской элиты означало лишь незначительные девиации [5], пригодные для занятия первых полос желтой прессы. Полная деполитизация культуры стала реальностью. Политика же стала инструментом обслуживания частных интересов власть придержащих, их личных и групповых интересов, страх тотального ушел со сцены, чтобы вернуться, но лишь в лице тени пугающей фигуры «отца народов».

Именно страх тотального стал почвой для взаимодействия элит до середины двухтысячных, в этом изживании тотального и его полного низвержения изживался страх [6]. И это нашло свое отражение в общеупотребительной и принятой обеими элитами эстетике постмодерна, прилаженного и приспособленного для общих страхов. Кроме того, у той и другой элиты появился новый враг и средство обогащения – это отсталый «народ», «общество», архетипическая фигура для этого отрезка истории, именно «народ» стал крайней точкой отсылки политики и своеобразным «козлом отпущения», невинной жертвой, вокруг которой выстраивается единство элиты.

В этом смысле показательны послания (месседжи) в пору протестов середины двухтысячных, исходящие от политической элиты к культурной? суть которых сводилась к призыву не препятствовать управлению отсталым народом теми методами, которые этой отсталостью обусловлены и легитимированы. Политические элиты указали культурным на несоблюдение пакта лояльности, при котором культура полагалась быть полностью деполитизированной, а политике совершенно меркантилистской.

Конечно, став элитарной, отказавшись от экстенсивной стороны политизации, культура рискует потерять и элиту, чему уроком недавнее прошлое, а цинизм меркантилизма в политикт лишает ее реальной почвы, оставляя наедине с самой собой. Лоялистская модель более не работает, хотя тенденции ее оживить, создав имитационную модель, конечно, есть, сложно представить общество без культурной элиты. Культура вновь заявляет о своих правах, одновременно воспрещая себе политическое измерение, именно аполитичность культуры сегодня и позволяет ей иметь элиту. Это порождает у её представителей надежды на новый лоялистский проект, не предусматривающий, как и ранее, активной роли «народа» [7].

Вопрос о существовании элит, как демонстрируют последние события, что факт существования может быть столь проблематичен, что отдается на откуп разного рода казуистике. В самом деле, роль культурных элит, как и сама роль культуры, сегодня не очень четко определена.

Что касается сегодняшнего дня, то вопрос состоит в том, как описать его отсутствие, отсутствие мыслится негативно – как не присутствие желаемого или отсутствие не желаемого. Мы не в состоянии ввести «незнание» предмета в сферу положительных определений, мы еще не имеем «мужества не знать». Поэтому роль культурной элиты все более тривиализируется, а отношения ее с политической элитой находятся на стадии бартерного обмена услугами. Интеллектуалам еще не запретили объяснять «народу», смысл «сигналов» власти. Роль культурной элиты полностью свелась к обслуживанию интересов политической элиты, хотя её представителям зачастую кажется, что инструмент рефлексии есть инструмент критики, хотя на самом деле это лишь инструмент рационализации в руках обывателя. Взаимодействие крайне односторонне и имеет лишь одну точку приложения – это спящий «народ», сон которого общими усилиями пытаются продлить как политические элиты, так и культурные. Такая минимизация усилий элит лишает их существование – и так проблематичное – остатков основания в виде среднего звена провинциальной культуры, в частности, что хорошо заметно на примере работы провинциальных музеев и галерей искусств.

При этом, несмотря на зачистку поля взаимодействия, на этом же поле наблюдаются странные поползновения к насаждению единства и тотализации. На сегодняшний день состояние этого взаимодействия культурной и политической элит в России определяют три фактора: это сомнение в существовании элит, крайний содержательный примитивизм их

взаимодействия и ни на чем не основанные попытки тотализации, то есть объединения всего и вся вокруг некой пусть примитивной, но работающей идеологической модели [8].

Само по себе очень примечательно, что нынешние элиты играют на поле негативного, в отличие от советских элит, что играли на поле позитивного во всех его проявлениях. Для советских элит было важно понудить человека к активности и на втором шаге – пресечь ее, перенаправив в определенное русло, тогда как для нынешних – важно удержание человека от какой бы то ни было активности посредством погружения его в поле все большей неопределенности и непредсказуемости.

Также стоит отметить феномен институционального нигилизма, в рамках которого все еще протекает сообщительность элит, крайняя степень формального примитивизма, когда знаки лояльности репрезентируются в архаизированных ритуалах: совместного прием пищи, религиозном участии и прочее. Начатки корпоративной культуры, крайне вторичной, никого не вводят в заблуждение, даже аудиторию отечественных медиа [9].

Роль культурных элит в лице ведущих политтехнологов здесь огромна. То есть у элит есть общий «враг» – это спонтанная активность масс, жупел для постсоветских элит, что обнаруживает единство целей и средств в нейтрализации данной формы активности. Все это – довольно известные факты, стоит только припомнить реакции отечественных политтехнологов в пору недавних украинских событий, что целиком и полностью изменили вектор внешней и внутренней политики. На этом можно было бы закончить этот далеко не полный обзор характера и форм взаимодействия элит в России в постсоветский период и попытаться перейти к прогнозам – занятию неблагоприятному для российского политического пространства, известного исторической непредсказуемостью. Возможные перемены к лучшему можно было бы связать с обретением культурной элитой политической субъектности, с которой придется считаться – к своей же и общей пользе политической элите. Только в этом случае активность масс, не будучи предметом страха элит, обретет конструктивный и позитивный характер.

Литература:

1. Заславская Т.И. *Российский социум на рубеже веков. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. №5. С. 6.*; Касьянов В.В., Шаповалов С.Н. *Современная российская бизнес-элита: социальный портрет // Элитология России: современное состояние и перспективы развития: материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Ростов н/Д., 2013. Т. 1. С. 523-529.*

2. Гудков Л. *Страх как рамка понимания происходящего // Гудков Л. Негативная идентичность. М., НЛЮ, 2004. С. 59-83.*

3. Касьянов В.В. *Государственные идеология современной России // Общество: философия, история, культура. 2011. №3-4.*

4. Касьянов В.В. Социология культуры. Москва-Краснодар, 2013. С. 207.

5. Гафиатулина Н.Х. Моделирование социально-политических процессов в условиях неопределенности. Учебное пособие в двух частях для студентов-магистров. Часть II. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2016. 145 с.

6. Гудков Л.Д. Проблема «элиты» в современной России: размышления над результатами социологического исследования. М., 2007. – 372 с.

7. Касьянов В.В. Гений и социум // материалы Международной научно-практической конференции (16-17 июня 2017 г., Краснодар). Краснодар, 2017. С. 12-14.

8. Пятигорский А.М. Размышляя о политике. М., 2008. - 190 с.

9. Гафиатулина Н.Х., Брусенцева Д.М. Медийное пространство как источник активности террористической организации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №6-7. С. 38-40.

Literature:

1. Zaslavskaya T.I. Russian society at the turn of the century. Modern Russian society: problems and prospects // Social sciences and modernity. 2004. №5. S. 6.; Kasyanov V.V., Shapovalov S.N. Modern Russian business elite: social portrait // Elitology of Russia: current state and development prospects: materials of the First All-Russian elitological congress with international participation. Rostov n / D., 2013. T. 1. Pp. 523-529.

2. Gudkov L. Fear as a framework for understanding what is happening // Gudkov L. Negative identity. M., UFO, 2004. Pp. 59-83.

3. Kasyanov V.V. State ideology of modern Russia // Society: philosophy, history, culture. 2011. №3-4.

4. Kasyanov V.V. Sociology of culture. Moscow-Krasnodar, 2013. p. 207.

5. Gafiatulina N.Kh. Modeling socio-political processes in conditions of uncertainty. The manual in two parts for master students. Part II. Rostov-on-Don: SFU, 2016. 145 p.

6. Gudkov L.D. The problem of "elite" in today's Russia: reflections on the results of a sociological study M., 2007. – 372 p.

7. Kasyanov V.V. Genius and Society // Materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2017. P. 12-14.

8. Pyatigorsky A.M. Thinking about politics. M., 2008. - 190 p.

9. Gafiatulina N.H., Brusenceva D.M. Media space as a source of activity of a terrorist organization // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. №6-7. Pp. 38-40.